

«Эдуард Владимирович, вы пророк?»

Перед писателем Эдуардом Тополем извинились Киссинджер и Солженицын, а Горбачев получил отказ на просьбу написать сценарий о его личной жизни

Эдуард Тополь, Михаил Горбачев и Берл Лазар, 2006 год, США. Фото: Валерий Левитин / Коммерсантъ

14:23, 20 сентября 2024,

Сергей Мирон

специально для «Новой газеты», Израиль

В Кармиэль на севере Израиля писатель Эдуард Тополь приехал через пару недель после того, как у нас произошел первый теракт за всю историю нашего городка. Выйдя к публике, писатель сразу же предложил почтить минутой молчания память Александра Якиминского, своей жизнью предотвратившего более тяжелые последствия.

Честно говоря, это было неожиданно: обычно писатели его уровня зациклены на себе, любимых, и даже не слишком в курсе того, что происходит за пределами ареала их обитания. Что это, поза?

В нашем разговоре, который состоялся через несколько дней, я пытался понять человека, который несколько лет назад совершенно сознательно оставил сладкую жизнь суперуспешного американо-российского писателя с миллионными тиражами и приехал в маленькую страну, где его даже не узнают на улице...

— Эдуард, первая ваша книга мне попала в руки в 1984 году, ровно на сутки. Это была «Красная площадь», и на ее обложке значилось два имени. Оторваться от нее я не мог и, завернув драгоценный «кирпич» в газету «Правда», читал его даже в длинных очередях тогдашних гастрономов. У меня было ощущение, что родился новый великий литературный тандем, как Ильф и Петров, как братья Стругацкие или Вайнеры... Так почему вы расстались с Фридрихом Незнанским?

— На новом издании «Красная площадь» и «Журналист для Брежнева» стоит уже только одна фамилия, моя, а в приложении, которое называется «Очищение от Незнанского», 50 страниц судебных экспертиз и других документов. Например, эксперты из Института математической лингвистики на основе анализа наших книг доказали, что и в «Красной площади», и в

«Журналисте для Брежнева» нет ни слова, написанного Незнанским. Я вообще сомневаюсь, что он мог что-то самостоятельно написать, ведь всю серию про Турецкого писал комбинат литературных рабов «Олимп», о чем в «Комсомольской правде» был материал на две газетных полосы.

Эдуард Тополь и Сергей Миров. Фото: личный архив

— Да, но он же работал в Генеральной прокуратуре, разве вся его фактура вам была не нужна?

— В качестве эксперта на заседание московского суда был приглашен и начальник МУРа. Так вот, по его заключению в книге содержится «большое количество ошибок в подаче следственных документов». Это были мои ошибки, Незнанский как следователь такие элементарные ошибки сделать не мог. А все его «соавторство» заключалось в том, что он по-соседски позволил мне работать на его электрической пишущей

машинке и угощал меня бутербродами. Кстати, он никогда не работал прокурором, а был следователем райотдела милиции.

— **А каков суммарный тираж «Красной площади» по миру?**

— Ну... я могу ответить только за США и Великобританию. Там тираж давно превысил миллион экземпляров. А вообще, книга официально издана в 19 странах, и еще в пяти она вышла пиратским образом. Можете прикинуть.

— **Могу... Но меня еще интересует история вашей жизни. Как юный бакинский журналист Эдмон Топельберг стал востребованным московским сценаристом Эдуардом Тополем, а потом и суперпопулярным американским писателем Edward Topol?**

— Это долгая история. Сначала была газета «Социалистический Сумгаит». Между прочим, прекрасная профессиональная школа, газету мы делали вчетвером, каждому приходилось через день заполнять целую полосу.

Потом у меня был карьерный взлет — газета «Бакинский рабочий». Но в университет меня не приняли как «инвалида пятой группы»!

— **Ну... насколько я знаю, в Баку в те годы не было национальных проблем...**

— Это между азербайджанцами и армянами их как бы не было, а еврейский вопрос там никто не закрывал. Все экзамены я сдавал на «отлично», кроме истории СССР, на котором меня конкретно сыпала кафедра марксизма-ленинизма. И только на второй год, после второй попытки и в результате личного вмешательства декана филфака профессора Аликперли меня

зачислили на заочный с правом посещения занятий. Но в армию потом, конечно, забрали.

— А ВГИК?

— ВГИК был уже после армии. Правда, хотя за дипломный сценарий я получил «отлично», мои первые фильмы были неудачными — по разным причинам. «Там, где длинная зима» про открытие сибирской нефти снимали в Заполярье, когда там уже все расцвело по-летнему. А «Море нашей надежды»... Там режиссер просто дорвался до счастья вседозволенности: в Одесском пароходстве ему дали корабль для съемок на Черном море, и всю его группу просто понесло — они катались по морю, пили водку да шашлыки жарили на палубе. В результате от директора Одесской киностудии я получил телеграмму: «Немедленно приезжайте спасать фильм».

Я прилетел, посмотрел отснятый материал и понял, что ничего путного уже не получится. Но деньги-то были потрачены серьезные — 250 000 рублей!

Пришлось мне с моим другом, режиссером Борисом Галантером спасать студию от банкротства — дописать ряд павильонных сцен, чтобы хоть как-то смонтировать сюжет. Эти сцены я снял как режиссер и в этой же роли доделывал фильм с замечательным монтажером, которая до этого работала с Хуциевым и Тодоровским.

— А когда пришел первый успех?

— Это уже со вторым морским фильмом, «Юнга Северного флота». Он и прошел хорошо, и мне какое-то имя создал... Но

жить мне было все равно негде!

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

— Как это?

— А так. У меня как бакинца не было московской прописки, а когда я в Москве снимал квартиру, соседи тут же доносили на еврея, который все время на машинке стучит. Приходил участковый и видел: бакинская прописка — вон из Москвы в двадцать четыре часа. В результате почти все свои сценарии я написал в Доме творчества кинематографистов «Болшево», там можно было прожить месяц, выписаться на день и заселиться снова. А «Юнгу» мы с Вадимом Труниным писали на даче у Романа Кармена. Там Алена, жена Трунина, ходила беременная, и все время нас шпыняла: «Вдвоем написали за день одну страницу? А наша соседка, жена Юлика Семенова, сказала мне, что он один пишет в день десять страниц!»

— Значит, тогда и пришло профессиональное признание? У вас же еще потом очень хорошо «Несовершеннолетние» прошли...

— Это уже потом. А до «Юнги» и «Несовершеннолетних» я жил на рубль в день. У меня принцип — зарабатывать на жизнь только пером. И как-то Феликс Миронер, замечательный сценарист, протягивая мне очередной заем, 30 рублей, говорит: «Если напишешь сценарий о любви, я отправлю его на «Ленфильм». Стояла жуткая жара 1971 года, на деньги Феликса я за 10 рублей снял пустую комнату и на табурете за месяц написал «Любовь с первого взгляда». Правда, в тот день, когда оставался последний рубль, у меня и случилась именно такая любовь...

Я шел на Центральный телеграф за почтой «до востребования» и по дороге увидел девушку, которая не могла попасть на концерт в Зал Чайковского. И такое отчаяние было у нее в глазах, что я не мог пройти мимо, купил ей за рубль фиалки...

— **А что с фильмом было?**

— В Министерстве кинематографии его запретили, положили на полку. А потом и «Несовершеннолетних» запретили с формулировкой «клевета на молодое поколение строителей коммунизма». Но тут вмешался консультант фильма генерал Шумилин Борис Тихонович, заместитель Щелокова. Он отвез фильм Брежневу на дачу, тот посмотрел и сказал: «Хороший фильм». Картину тут же выпустили, и это был первый фильм о подростковой преступности после «Путевки в жизнь».

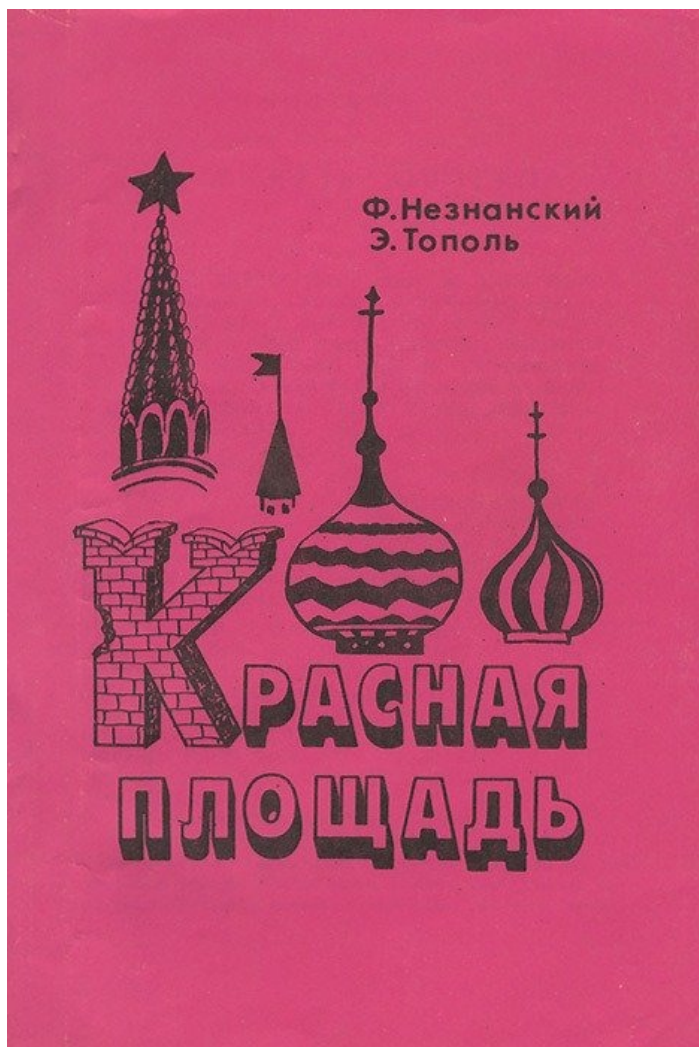
— **Эдуард Владимирович, а что послужило причиной вашего отъезда? Картины на полке или жизнь в пансионате?**

— Да все! Моего отца звали Хаим. Он, кстати, еще в сталинское

время был антисоветчиком. Как его не посадили — не знаю. Когда мы жили в Полтаве, мой папа стал Ефимом, потому что жить на Украине с именем Хаим было сложно, а потом Владимиром. Так что, определенный заряд неприятия жизни в СССР во мне был с самого детства.

— Все-таки я не понимаю. Вы же могли купить квартиру с авторских гонораров! Или... нет?

— Вы правы, гонорары были! И квартиру я купить хотел, мне Шумилин сказал: «Принеси письмо от Союза кинематографистов на имя председателя Моссовета с просьбой разрешить тебе купить в Москве кооперативную квартиру с правом прописки в ней. Я сам отнесу это письмо Промыслову, и все будет в порядке. Не беспокойся, а садись писать вторую серию «Несовершеннолетних». Я принес письмо за подписью Кулиджанова и всех остальных секретарей Союза кинематографистов о том, что без меня советский кинематограф просто не может существовать. А через две недели ко мне в Болшево приехал адъютант Шумилина с бутылкой коньяка и сказал: «Комиссия старых большевиков при Моссовете не сочла возможной твою прописку в Москве. Но мы тебя пропишем за 101-м километром, и ты купишь квартиру в Подмосковье». То есть даже будучи автором фильмов «Юнга Северного флота» и «Несовершеннолетние», каждый из которых посмотрели 50 миллионов человек, я оставался человеком второго сорта. Я улетел в Баку и подал документы на отъезд.

Обложка книги «Красная площадь»

— В результате следующий фильм по «Красной площади», с которой мы начали разговор, вышел уже в новом тысячелетии!

— А мог бы выйти намного раньше, если бы не Генри Киссинджер!

— Это как?

— После того как книга стала instant bestseller, мгновенным международным бестселлером, ее захотели экранизировать в Голливуде, студия «Юниверсал». Мне прислали авиабилет первого класса в Лос-Анджелес, там меня встречал лимузин. И все было классно, со мной подписали договор, я написал сценарий, и вдруг продюсер перестал отвечать на звонки. Потом выяснилось, что проект зарубил Генри Киссинджер,

который был почетным членом совета директоров киностудии. Он книгу, естественно, читал и сказал хозяевам студии «Юниверсал»: «Сейчас идет улучшение отношений с Москвой, поэтому лучше не портить отношения с Андроповым». И все, фильм не состоялся. Правда, потом Киссинджер передо мной извинился!

— А это как?

— Через 17 лет Киссинджер был в Москве гостем Михаила Сергеевича, и Горбачев возил его по городу, они попали на одну художественную выставку. А я тоже там был, подошел к Киссинджеру: «Good evening, sir. I'm Edward Topol. Do you remember the novel «Red Square»?» Он на секунду опустил взгляд куда-то в подвалы своей памяти, а потом сказал: «I'm sorry, sir. At that time I could not do otherwise» (Извините, сэр. В то время я не мог поступить иначе). Кстати, именно так, слово в слово, передо мной извинялся потом Александр Солженицын.

— Это еще каким образом?

— История простая. В 1982 году я был главным редактором WWCS — первого русского радио и телевидения в Нью-Йорке. И у меня работали молодые актеры и режиссеры, выпускники ГИТИСа. Они сделали классный театр у микрофона — радиопостановку по «Раковому корпусу». С музыкой — все, как полагается, очень талантливо.

Я послал кассету с записью радиоспектакля Солженицыну в Вермонт, он там жил в те годы. А в сопровождающем письме предложил с помощью ЦРУ и издательства «Посев» забросить в СССР две сотни таких кассет. Они бы пошли по стране на магнитофонных записях, как песни Высоцкого.

Но через неделю я получил ответ Александра Исаевича. На клочке бумаги он написал коротко: «Я занят и не могу этим заниматься». Я понял, что он просто не хочет марать свое имя сотрудничеством с еврейской эмиграцией. А спустя много лет, 11 декабря 1998 года, на восьмидесятилетнем юбилее Солженицына, мой друг Слава Ростропович выступил в Большом зале Московской консерватории и после концерта там же, на последнем этаже, закатил гигантский банкет. В конце банкета я попросил Галину Вишневскую представить меня Солженицыным. Она подвела меня к Александру Исаевичу и его жене Наташе, представила как автора «Красной площади». И тут случилось ровно так, как с Киссинджером — Солженицын на пару секунд погрузил свой взгляд в подвалы своей памяти, потом посмотрел на меня и сказал: «Я помню ваше письмо».

Извините, тогда я не мог поступить иначе». Взял жену под руку и ушел с банкета!

— Н-да, Киссинджер и Солженицын — они мало перед кем извинялись... Но так мы плавно подошли к главной теме: Горбачев. Эдуард Владимирович, вы пророк? После книги «Завтра в России» многие воспринимают вас именно так, ведь вы даже дату переворота угадали заранее!

— Когда в России началась перестройка, я жил в Торонто и сел писать, что из этой перестройки получится. При этом Горбачев меня все время опережал! Только я написал главу, как через два года он реабилитирует Бухарина, а тут сообщение в газетах «Горбачев реабилитировал Бухарина!». Приходилось переписывать... Но самое главное —

я все не мог его понять его характер, что он за личность. Потому что все его речи, опубликованные в «Правде» и «Известиях», — просто пустопорожняя канитель из советских клише. Но он же действительно перестраивал СССР!

Так почему же речи такие, как передовицы в «Бакинском рабочем», которые писал Володя Сеницын? Тогда на радио «Свобода»* я подписался на их дайджест советской прессы. И там я нашел речи Горбачева в Сибири, которые ЦРУ получало из России по своим каналам. Это были тексты без правки советской цензурой, с вкраплениями живой речи Михаила Сергеевича. Так возник роман «Завтра в России», он был напечатан в Нью-Йорке, в газете «Новое русское слово», за три года до ГКЧП. И в романе арест и свержение Горбачева день в день совпали с реальностью, Янаев в своем обращении по ТВ

просто читал страницу из моего романа.

— Горбачев присутствует и в ваших романах «Красный газ» и «Кремлевская жена».

— Да, но когда «Жену» напечатали в одном российском журнале, Раиса Максимовна ужасно разгневалась. А уже потом, через несколько лет, когда Горбачев не был президентом и как частное лицо возил Киссинджера по Москве и художественным выставкам, я подошел к Михаилу Сергеевичу, чтобы подарить ему свою новую, только что опубликованную книгу «Роман о любви и терроре, или Двое в «Норд-Осте». И вдруг он обнимает меня за плечи и говорит: «Книгу я возьму, но лучше, чем обо мне, ты ничего не написал и не напишешь!» Он все-таки был типичный партийный чиновник — со всеми на «ты»... Потом он отвел меня в сторону от Генри Киссинджера и сказал, что Милош Форман хочет снять фильм про него и Раису Максимовну, про их любовь. «Я хочу, чтобы ты написал сценарий, — сказал мне Горбачев. — Вот тебе мой телефон. Приезжай завтра в мой Фонд на Ленинградском проспекте, я дам тебе мемуары моих бывших помощников, и ты напишешь». Я приехал, они нагрузили меня документами, мемуарами. Через несколько дней я позвонил Михаилу Сергеевичу и сказал: «Я все прочел, но сценарий писать не могу. В вашей любви с Раисой Максимовной нет драматургии — никто никому не изменял и даже не собирался»...

— А сейчас тема Кремля для вас закрыта?

— Нет, почему же? Сейчас у меня вышла здесь, в Израиле, книга «Кремль уголовный», это авторское издание, выпущенное крайне малым тиражом. В ней я рассказываю про 57 кремлевских убийств, которые произошли в борьбе за кремлевскую власть.

— Актуальненько... Эдуард Владимирович, а теперь главный

вопрос: почему вдруг Израиль? Неужели с вашими тиражами, с вашим именем в США что-то не сложилось?

— В свое время Мартин Бубер сказал: «Там, наверху, Господь спросит, что ты сделал с талантом, который Я тебе дал?» Конечно, семь лет назад я мог бы ответить на этот вопрос своими книгами, но подумал: а если Господь спросит: «Что ты сделал для Израиля?», то у меня тогда ответа не было. А теперь есть — романы «Юность Жаботинского» и «Явление пророка». Они написаны здесь, в Израиле.

Кармиэль, Израиль

* Минюст РФ признал «иноагентом», а затем и нежелательной организацией в России.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Гаринька, у тебя каждое слово — лишнее!»](#)

Разговор с Игорем Губерманом

17:41, 8 июля 2024, Сергей Мирон